



Как отразится на российской экономике вступление в ВТО, что будет с курсом рубля в обозримой перспективе, можно ли заставить АвтоВАЗ выпускать автомобили, которые будут ездить, - об этом рассказал порталу Банки.ру экс-министр экономики, а ныне президент Российской Финансовой Корпорации Андрей НЕЧАЕВ.

- Сейчас в ежегодном международном рейтинге инвестиционной привлекательности, составляемом американским Советом по конкурентоспособности, Россия занимает 120-е место среди 183 стран. Президент Путин неоднократно говорил о том, что одна из его задач - сделать страну более инвестиционно привлекательной, в частности вывести ее в этом рейтинге за три года на 20-е место. Эта задача, по вашему мнению, реализуема?

- Исторический опыт показывает, что задача, безусловно, реализуемая. Например, Сингапур был практически парализован коррупцией и административным давлением на бизнес и граждан, а это как раз две главные болезни, которыми сейчас больна Россия. Но там правительство возглавил Ли Куан Ю - человек, у которого оказалось достаточно политической воли, чтобы сказать своим ближайшим друзьям семьи и сподвижникам: «Господа, всё, мы начинаем строить новую жизнь» - и даже посадить парочку из тех, кто его не услышал. Буквально через несколько лет Сингапур из заштатного провинциального города-государства превратился в международный финансовый центр и инвестиционный рай. Есть и другие примеры. Главное - иметь политическую волю и активно действовать в этом направлении. К сожалению, в России мы пока не наблюдаем ни первого, ни второго.

Борьба с коррупцией, с бюрократизацией страны в основном ведется вербальным путем, грозными заявлениями разных начальников. За этим почти не следует никаких практических действий, не считая борьбы со средним чиновничьим звеном. Причем, как правило, под раздачу попадают мэры. И это невольно наводит на мысль, что просто таким образом хотят дискредитировать последний выборный институт, который в России оставался. Сейчас мы, правда, возвращаемся к квазивыборности губернаторов, но на каком-то этапе это было, безусловно, так. Но если вы даете поводы для того, чтобы конгресс США или Евросоюз принимали законы а-ля список Магнитского, трудно рассчитывать на то, что вашу страну будут рассматривать не только как инвестиционный рай, но и хотя бы просто считать привлекательной для инвестиций.

- То есть экономических реформ недостаточно?

- Экономические изменения должны быть взаимосвязаны с политическими реформами. В свое время Министерство экономики провело исследование, в котором по сотне показателей сравниваются Москва и такие признанные международные финансовые центры, как Лондон, Нью-Йорк, Шанхай, Франкфурт, Мумбаи. Из него можно сделать несколько довольно важных выводов. Показатели, по которым мы отстаем, что называется, на порядок связаны в основном с государственным регулированием. С одной стороны, вроде бы это легко поправить, а с другой - за десяток лет идеально благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры мы не провели институциональные реформы, не ввели нормальное налоговое администрирование, не снизили вмешательство государства в экономику. Получается, что движения нет, хотя об идее превращения Москвы и России в международный финансовый центр на моей памяти говорят уже лет шесть. Это немалый срок. Понятно, что был кризис, но тем не менее... Поэтому нет ничего нереализуемого, но пока, увы, мы имеем то, что имеем.

- Что сильнее снижает инвестиционную привлекательность России - те внутренние проблемы, которые вы озвучили, или внешние факторы, в частности кризисные явления в мировой экономике?

- Если мы говорим о стратегических инвестициях, а не о движении спекулятивного капитала, который реагирует на макроэкономические параметры (движение курса рубля, уровень инфляции и так далее), то институциональные, внутрироссийские факторы, конечно, важнее. Это уже звучит как некие мантры, заклинания, такой набор банальностей, который от этого не становится менее истинным: защита прав собственности, налоговое администрирование, а не «налоговый рэкет», как его наш вновь избранный президент называл, еще когда он был второй раз избранным

президентом. С тех пор ничего не поменялось, хотя давали жесткие указания внести изменения в законодательство и правоприменительную практику. Это отсутствие профессиональных и, главное, неангажированных независимых судов - наверное, вообще проблема номер один - «басманное» правосудие, которое уже стало, к сожалению, почти нарицательным термином. Ну и, безусловно, коррупция с административным давлением.

Что касается неустойчивости и сильной флуктуации курса рубля, высокой инфляции, сырьевой ориентации экономики, это достаточно серьезные проблемы. Но если говорить о стратегических инвестициях и инвестиционной привлекательности страны, то это факторы, всего лишь порождающие некие коммерческие риски. А с коммерческими рисками инвесторы справляться умеют.

- Какую оценку бизнес-климату в России вы поставите по обычной школьной пятибалльной системе?

- Я всегда боюсь каких-то таких оценок. Исследования Мирового банка отводят нам место во второй сотне государств. Не думаю, что это некая грязная клевета на российскую экономику по политическим соображениям. Боюсь, что это так и есть. Понимаете, все оценки условны, ведь неважно, скажу я вам «полтора» или «два с половиной»...

- Российские власти говорят, что отток капитала, который продолжается не первый год и в достаточно больших размерах, - не так страшно, как кажется. Что на самом деле это не влияет на экономическую устойчивость страны. Так ли это, по-вашему?

- Я, может, и не драматизировал бы это явление, но это, безусловно, не отток спекулятивного капитала. Он ушел ранней осенью 2008 года, и полагаю, что эти деньги в страну практически не вернулись. Совершенно очевидно, что сейчас происходит прежде всего вывоз отечественного капитала. Это действительно было не очень страшно, когда у России было колоссальное положительное сальдо торгового баланса и, наоборот, ЦБ беспокоился о чрезмерном укреплении рубля, что автоматически делало российские товары крайне уязвимыми с точки зрения конкуренции с импортом.

Сейчас ситуация поменялась, пусть не драматически, но существенно. Мы наблюдали в середине 2011 года существенный рост импорта по отношению к экспорту, тогда положительное сальдо начинало «схлопываться» и некоторые экономисты предсказывали, что мы выйдем на отрицательное или нулевое сальдо баланса текущих операций уже к концу 2011 года. Но этот пессимистический прогноз не оправдался. В какой-то момент опять начался взлет благодаря динамике цен на нефть.

Сейчас мы наблюдаем, что называется, «второй подход к снаряду». У нас за май, говорю по памяти, импорт вырос на 6,7%, а экспорт сократился, то есть опять положительное сальдо торгового баланса начинает уменьшаться. Как раз, если страна не является инвестиционно привлекательной, это становится опасным, потому что появляется реальная угроза дальнейшей девальвации рубля. Первый этап такой мягкой девальвации в связи со всем изложенным мы недавно пережили. Думаю, что он не последний, что к концу года мы увидим дальнейшее ослабление рубля, правда, без апокалиптических прогнозов про 40 или 45 рублей по отношению к доллару.

Это дальнейшее ослабление рубля вызовет инфляционные риски и станет серьезным препятствием с точки зрения модернизации экономики. Импортировать современное высокотехнологичное оборудование станет дороже. Хотя опять-таки девальвация - это всегда сложный процесс с неоднозначными последствиями. Нельзя говорить, что это однозначно плохо. Негатив, связанный с инфляционными рисками, безусловно, присутствует. С другой стороны, девальвация - такой зонтик над отечественными товаропроизводителями, который может среди прочего сгладить негативные эффекты от вступления во Всемирную торговую организацию как универсальное средство защиты. Именно универсальное, а не целевое, как, например, запретительные пошлины или прямые субсидии отдельным отраслям. Сила и слабость девальвации в том, что это стрельба шрапнелью - в кого попадет.

- В начале августа Россия официально станет членом ВТО. Как это отразится на российской экономике? Будет ли российское правительство нарушать нормы ВТО ради помощи отдельным отечественным производителям?

- Нет, какие-то общие принципы, естественно, нарушать не будут. Там же просто очень много конкретных пунктов - размер помощи сельскому хозяйству, например. Понятно, что такие бросающиеся в глаза меры, как запретительные пошлины на импорт автомобилей, конечно, не спрячешь. Но в данном случае будут отбиваться, например, сборами на утилизацию с импортеров. Это, может, и нормально. Конечно, какие-то шаги поддержки со стороны государства тех секторов, которые в наибольшей степени

пострадают, нужны. Единственное - тут просто важно соблюсти меру и не заиграться. Потому что дело-то не в ВТО. Мы с автопромом, извините за жаргон, валандаемся уже 20 последних лет, точнее, еще со времен СССР. Я, еще когда был при должности (министром экономики. - Прим. ред.), занимался этим АвтоВАЗом, включал его в немецкий кредит по линии «Гермес». Был такой межправительственный связанный кредит тогда. Если память не изменяет, 600 миллионов марок они получили на запуск новой на тот момент модели ВАЗ-2110. Это был 1992-1993 год. Выпустили они ее где-то году в 1999-м, когда она уже абсолютно морально устарела. Так и наступаем в автопроме на те же грабли до сих пор.

- Как вы оцениваете общий тренд экономического развития России по отношению к другим странам? Мы сокращаем дистанцию от ведущих мировых экономик, топчемся на месте или уже вылетаем из высшей экономической лиги?

- Если говорить о макроэкономических показателях совершенно отвлеченно, у нас ситуация совсем неплохая. У нас будет 3% или 3,5% роста ВВП за год. Это лучше, чем во многих развитых странах, хотя, конечно, неизмеримо хуже, чем в Китае или в Индии, если сравнивать нас со странами БРИК. У нас вполне «интеллигентный» уровень безработицы по сравнению с большинством европейских стран. У нас, правда, провальные показатели по инфляции. Но в целом макроэкономическая картинка, если не копать вглубь, из чего она складывается, выглядит вполне пристойно. Но беда в том, что мы вышли из кризиса не с измененной структурой экономики, не со сколько-нибудь диверсифицированной экономикой, не с экономикой, начавшей процесс модернизации... Мы вышли из кризиса, пожалуй, с еще более сырьевой структурой экономики, чем вошли в него.

Справедливости ради надо признать, что в большинстве стран, кроме, может быть, Америки, кризису не дали сыграть ту очищающую роль, о которой очень любят говорить экономисты. Его залили деньгами, экономический кризис трансформировался в долговой, который мы сейчас наблюдаем. Совершенно очевидно, что этот долговой кризис опять приведет к экономическому - через снижение доверия, через банкротство или сложное положение банков, через «схлопывание» процессов кредитования из-за обилия «плохих» долгов. Рано или поздно произойдет рост ставок кредитования. Потому что, когда государство в таких объемах заимствует деньги и по таким высоким ставкам, не может быть, чтобы бизнесу давали дешевле. Так не бывает. Государство везде, даже в Греции, - заемщик номер один, который во многом определяет весь уровень процентных ставок в экономике.

- Почему не изменилась структура экономики?

- Ну, так получилось. Это просто медицинский факт. Потому что по социальным и политическим соображениям заливали кризис деньгами и не давали ему сыграть свою очищающую роль. У нас падение обрабатывающих производств в ходе кризиса оказалось многократно больше, чем сырьевых секторов. И если мы посмотрим структуру экономики, то она, конечно, не стала лучше. Скажем, в ходе кризиса у нас доля нефтегазовых доходов в бюджете понижалась где-то до 46%. Сейчас она опять 53%. Такая экономика очень уязвима. И это главная наша беда. Любое знаковое и сколько-нибудь продолжительное падение цены на нефть кардинально меняет всю макроэкономическую картинку для российской экономики. Это ненормально для страны, которая претендует на то, чтобы быть одним из экономических лидеров.

- Где мы сейчас находимся в этом «чемпионате мира по экономике»? Во второй лиге?

- Трудно привести какую-нибудь классификацию. Мы находимся в странах БРИКС. По уровню валового внутреннего продукта на душу населения, несмотря на бурный рост нулевых годов, мы не достигли Португалии, которая сейчас переживает серьезные проблемы и является последней страной в Западной Европе по этому показателю. Мы катастрофически отстаем по производительности труда, и этот разрыв не сокращается. Мы постепенно теряем такой в прошлом важный фактор своей международной конкурентоспособности, как уровень заработной платы. Она действительно была сильно занижена, но росла опережающими темпами и в ряде секторов экономики почти достигла европейского уровня. В частности, в банковском, в финансовом секторе, при несопоставимой производительности труда. Не говорю уже о сырьевом секторе.

- Сейчас Россия по формальным признакам чувствует себя никак не хуже многих стран, у которых более серьезная долговая нагрузка. Стоит ли нам в этой связи наращивать инвестиции за счет роста внутреннего долга? Вообще, надо ли нам увеличивать расходы?

- Хороший вопрос. На него нет однозначного ответа. Скажем, Алексей Леонидович Кудрин говорил, что, вообще, занимать надо в хорошие времена, когда деньги дешевы и дают их охотно, чтобы не делать это в плохие времена, когда деньги дороги и дают их очень избирательно. Это как бы один ход мысли. С другой стороны, у нас, безусловно, в

последнее время и так произошло неадекватное раздувание государственных расходов. Причем направления этих расходов вызывают очень много вопросов.

- Вы имеете в виду соотношение расходов на оборону и социальные нужды?

- Смотрите: в этом году рост расходов бюджета составил, за вычетом процентных расходов по обслуживанию долга, 2,6% ВВП. Из них 1,2% - рост расходов на оборону, 0,5% - на национальную безопасность, не в смысле обороны, а на ФСБ и правоохранительные органы так называемые. Кстати, содержание органов государственной безопасности некоторое время было самой быстрорастущей статьей в бюджете, не считая Олимпиады в Сочи. А, скажем, расходы на образование и здравоохранение из федерального бюджета увеличились лишь на 0,4% ВВП. Вот мы с вами уже и выбрали весь рост доходов. То есть по каким-то позициям роста не было или было снижение - на экологию, науку, национальную экономику. В такой структуре роста расходов отражаются истинные приоритеты государства. Что уж тут говорить про модернизацию, про инновационный путь развития...

- ...про инвестиционный климат...

- Ну, инвестиционный климат - это другое. Все-таки бюджет мы рассматриваем как главное средство экономической политики. Можно целыми днями говорить про модернизацию, но покажите, как вы деньги тратите - это и будут ваши реальные приоритеты. Это с одной стороны. Но с другой - у нас накопились немалые суверенные фонды: 4,7 триллиона рублей. И предметом моей полемики с тем же Кудриным всегда было не то, о чем говорят очень многие: «Давайте эти деньги потратим». Моя позиция всегда была такой: «правильно ли мы делаем, что в таком количестве забираем эти деньги из экономики. Давайте мы их оставим бизнесу, а он дальше сам решит свои инвестиционные проблемы, социальные». При этом желательно оставить избирательно. Ввести налоговые льготы для малого бизнеса, для высокотехнологичных отраслей - им оставлять деньги. Понятно, что оставлять деньги «Газпрому», который их тратит как бог на душу положит и купит за несколько десятков миллионов евро какого-нибудь очередного бойкого юношу, который будет бегать по полю за «Зенит», - не очень правильно. А оставить деньги через налоговые льготы для тех отраслей, которые обеспечат прорыв и диверсификацию нашей экономики, было бы совершенно логично, на мой взгляд. То есть не «собрать, а потом инвестировать» - это плохой путь. А лучше именно оставить, снизив налоговую нагрузку. При соблюдении приоритетов, которые нужны для изменения облика нашей экономики.

Беседовала Наталья РОМАНОВА, Banki.ru